

АНТРОПОЛОГИЯ

В. Н. Адаев, Н. Ф. Галеева

ТЮРКСКО-УГОРСКИЕ КОНТАКТЫ, КОТОРЫХ «НЕ БЫЛО»: СВЯЗИ ТАТАР СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ С ХАНТАМИ ТУРТАСА И ДЕМЬЯНКИ В XVIII–XX ВВ.

В статье представлена в исторической ретроспективе общая картина прямых контактов курдакско-саргатских татар и их северных соседей – хантов Туртаса и Демьянки. Данное направление тюрко-угорских связей ранее в этнографии ещё не рассматривалось. Авторами были раскрыты этапы процесса взаимодействия, поддерживающие факторы, связующие маршруты, места и формы общения, круг непосредственных участников. Полученные материалы позволили выдвинуть гипотезу о преемственном праве охоты татар на территории Демьянки, унаследованном от ассимилированной ими группы среднеиртышских хантов. Сделано также предположение, что во второй половине XVIII – начале XIX в. пришедшие с севера юганские ханты в ходе открытого конфликта вытеснили курдакско-саргатских татар на периферию демьянских охотничьих угодий.

Ключевые слова: *курдакско-саргатские татары, народы Севера, пути сообщения, водораздельные территории, межэтническое взаимодействие.*

Введение. Вынесенная в заглавие фраза выглядит несколько провокационной, однако она во многом отражает реальную картину. В крупных обзорных работах по этнографии хантов и сибирских татар (Валеев, Томилов, 2006: 29–33; Мартынова, 1998: 24–26, 144; Прокофьева, 1956: 570–607; Томилов, 1981: 118 и др.) представленные здесь этнические группы – курдакско-саргатские татары и ханты Демьянки и Туртаса – совершенно не рассматриваются как контактные. При этом деятельное участие каждой из групп в тюрко-угорском диалоге не оспаривается, но в качестве визави выступают иные коллективы. Для курдакско-саргатских татар это васюганские ханты, а для демьянских и туртасских хантов – нижнеиртышские татары.

Между тем, прямые активные контакты рассматриваемых групп не только существовали на протяжении нескольких веков, но и, по нашей версии, раскрывают принципиально новые аспекты их историко-культурного портрета. Цель настоящей работы – представить картину этих социокультурных коммуникаций в исторической динамике с XVIII по XX в. В наши задачи входит выявление этапов процесса, ключевых поддерживающих факторов, связующих маршрутов, мест и форм общения, круга непосредственных участников. Ввиду ограниченного объёма статьи, культурные факторы, сближавшие и разделявшие этнические общности, а также конкретные результаты их межкультурного взаимодействия планируется подробно представить в отдельной публикации.

Работа основана на отрывочных сведениях из опубликованных и архивных историко-этнографических источников, которые были в существенной мере дополнены материалами полевых исследований, собранных авторами в 2000–2016 гг. в Уватском, Тобольском и Вагайском районах Тюменской области, а также в Усть-Ишимском, Тарском и Тевризском районах Омской области. В качестве теоретической основы исследования послужили системный подход и проблемно-хронологический метод.

Краткая характеристика рассматриваемых групп. Курдакско-саргатские татары являются самостоятельной этнотерриториальной группой сибирских татар. Они проживают в Среднем Прииртышье в пределах Тевризского, Усть-Ишимского районов Омской области и восточной части Вагайского района Тюменской области. Группа сформировалась на основе смешения ряда родоплеменных подразделений, в т.ч. *коурдак* и *саргачик*. Известно, что нака-

нуне прихода русских в состав курдакско-саргатских татар вошла ассимилированная ими общность среднеиртышских хантов, а в период XVII–XX вв. – небольшие коллективы бухарцев и казанских татар (Корусенко, Кулешова, 1999: 117; Томилов, 1981: 113–118). В ранний период хозяйство курдакско-саргатских татар базировалось на охотничье-рыболовецком комплексе, дополняемом собирательством, в силу чего группа вела полукочевой образ жизни. В XX в. представители группы уже широко освоили содержание крупного и мелкого скота и начали заниматься огородничеством. Добывающие промыслы, за исключением рыболовства, постепенно уходили на второй план.

Угорское население рр. Демьянка и Туртас включало представителей двух этнографических групп, имевших значительные различия в культуре: южных хантов (жители Демьянки) и восточных (переселенцы с Б. Югана и Васюгана). Коренные обитатели Демьянки были охотниками и рыбаками. К концу XIX в. основная их часть сосредоточилась в низовьях реки, где довольно быстро происходил процесс их ассимиляции русскими. Однако небольшие коллективы до 1950-х гг. посещали среднее течение своей реки, которое было связано путями сообщения со средним Иртышом. Среднее и верхнее течение р. Демьянка уже с XIX в. активно осваивалось хантами-оленеводами с р. Б. Юган, которые систематически вели там сезонный охотничий промысел, доходя в своих походах до Среднего Прииртышья. В середине XX в. несколько сотен юганцев осталось по Демьянке на постоянное проживание. На среднем и верхнем Туртасе с XVIII в. самовольно обосновались пешие хантыйские промысловики с р. Васюган. К середине века по указанию властей ханты переселились в устье Туртаса, но продолжали заниматься сезонной охотой в среднем течении реки (Иллинич, 1901: 47–50; ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 394. Л. 43-43об.). Эта группа, утратившая связи с исторической родиной, постепенно превратилась в самостоятельную общность. Однако история её была короткой – в 1950–1980-х гг. она полностью растворилась среди русского населения. В силу их пространственного положения и малоизвестных обстоятельств истории появления, туртасских хантов подчас ошибочно относили к южной этнографической группе народа (Мартынова, 1998: 12–16). Хозяйство всех вышеуказанных общностей хантов основывалось на таёжной охоте, дополняемой рыболовным промыслом и отчасти собирательством. Демьянские юганцы являлись самым мобильным коллективом, так как использовали для передвижения олений транспорт. Остальные жители Демьянки и Туртаса были пешими промысловиками, тем не менее, в хозяйственных и иных целях они периодически посещали даже бассейны соседних рек, совершая переходы до ста и более километров. Далее представим хронологический обзор непосредственных тюрко-угорских контактов.

Татарский фольклор о хантах Среднего Прииртышья. Хотя данная группа хантов не входит напрямую в круг нашего исследования, краткая информация здесь необходима по двум причинам. Во-первых, чтобы чётко отделить более ранний пласт информации о хантах-остяках (тат. *иштяк*), во-вторых, есть основания полагать о прочных культурных связях хантов Среднего Прииртышья с демьянскими (эти данные подробнее будут представлены чуть ниже). В фольклоре сибирских татар сюжеты о хантах различных групп и татарах-соплеменниках, известных под тем же именем *иштяк*, в значительной степени перемешаны между собой и иногда трудноразделимы (см.: Галеева, 2015; Корусенко, Корусенко, 1999). Отсюда возникает необходимость в критериях, позволяющих выделить нужную нам информацию.

Характерными особенностями татарских фольклорных сюжетов, которые можно связать со среднеиртышскими хантами и их прямыми потомками, являются: 1) далёкая древность происходившего; 2) противоречивое отношение рассказчиков к упоминаемым иштякам, с одной стороны они чужие/иные, с другой – имеют родственные связи с частью местных татар; 3) эти иштяки ассоциируются не с северными территориями, а со Средним Прииртышьем; 4) их неотъемлемые черты – язычество и выдающиеся умения в охотничьем промысле, причём и то, и другое тесно связано с местной территорией. Иными словами, здесь прослеживаются типичные отголоски об исчезнувшем автохтонном населении.

В качестве примера приведём легенду о несуществующей ныне д. Летнее Тевризского района. По рассказам, её жители дольше всех сохраняли поклонение деревянным изображениям («куклам»). На озере Каурдак у них даже имелась специальная «роща кукол», где проводились ритуалы. Решив однажды отказаться от язычества, они закопали всех своих идолов. Однако, чтобы окончательно очистить место, им пришлось пригласить к себе некоего иштыка, жившего ниже по Иртышу. Тот велел извлечь кукол из земли и принести в жертву крупное животное (лошадь или корову). Культовые изображения были помещены в брюхо жертвы вместо извлечённых оттуда внутренностей, тело животного зашили и спустили в Иртыш (Галеева, 2012: 281).

Свидетельства о наиболее ранних контактах. Известно, что демьянская территория входила в сферу непосредственного влияния Сибирского ханства. Поэтому неудивительно, что её связь с татарским населением прослеживается по многим направлениям. Судя по звучанию имён глав Верх-Демьянских волостей в XVII в. (Курмышак, Кушунчак, Кончебердей, Тенизбай, Енбулай) (Шунков, 1930: 189), можно предполагать их татарскую этимологию. Многие фамилии местных хантов, известные в XVIII–XIX вв., несут в себе вероятные тюркские черты: Алышаев, Зайсанов, Карабашев, Касымов, Мурзин, Юлаев, Якшиматов (Соколова, 1983: 227–230). Отметим, правда, что здесь скорее всего прослеживаются последствия контактов с татарами Нижнего Прииртышья.

Однако есть указания и на связь непосредственно с татарами Среднего Прииртышья. В частности, обращает на себя внимание созвучие ряда татарских топонимов Усть-Ишимского района (и ассоциируемых с ними легендарных личностей) с названиями хантыйских юрт и фамилий на Средней Демьянке. Что крайне важно, конкретно эти ареалы, несмотря на значительную дистанцию, были связаны устойчивыми путями сообщения (Адаев, 2012: 117).

Пример первый: с начала XVIII в. до первых десятилетий XX в. одним из самых верхних селений демьянских хантов были ю. Саргатские, местные жители которых носили фамилию Саргатский (Патканов, 2003б: 104; Соколова, 1983: 227–230). Селение примечательно тем, что с ним было связано название и бывшее местонахождение культового изображения духа-хозяина всей реки Демьянка – Саргат-ики (Адаев, 2007: 198–200), а, следовательно, оно имело далеко не рядовой статус. В свою очередь, в Омском Прииртышье имеется д. Саургачи (Саургаш-аул, ю. Саургатские), волость, в которой она расположена, именовалась Саргатской, а местная племенная группа – саргачиками. Г. Ф. Миллер писал, что все эти названия происходят от имени ишимского князя Саргачика (Миллер, 1999: 186, 255). В той же д. Саургачи бытует несколько иная легенда. Сюжет её гласит, что до прихода татар на данной территории жили остяки, родоначальником которых был охотник Саурган (Саурлай-бей, Саурхан), пришедший откуда-то с юга. Причем рассказчик легенды 1908 г.р. утверждал, что и сам *происходит из остяцкого рода* рыбаков и охотников (Корусенко, Корусенко, 1999: 103).

Пример второй: среди демьянских и, что показательно, юганских хантов на Демьянке была распространена фамилия Тайлаковых, происхождение которой З. П. Соколова связывает с сибирскими татарами (Соколова, 1981: 52). Юрты Тайлаковы имелись и на Б. Югане, и на Демьянке, причём последние располагались близ упомянутых выше ю. Саргатских (Патканов, 2003б: 389). Продолжение этой линии мы видим уже в Омском Прииртышье: одно из татарских селений Усть-Ишимского района, расположенное на правом берегу, носило название ю. Тайлацкие (Тайлаки). Таким образом, два крайних поселения демьянских хантов вверх по реке, отделённые в XIX в. от остальных несколькими сотнями километров, имели своеобразных двойников на Среднем Иртыше. При этом оба поселения, связанные с именем Саргат (Саргачик), обладали в прошлом на своих территориях высоким социальным статусом, а у селений с корнем «Тайлак» имелся ещё и третий собрат на Б. Югане. Дублирование названий объектов в бассейнах разных рек, на наш взгляд, совершенно неслучайно. Кроме возможных культурных связей, оно нередко является маркером существовавших устойчивых маршрутов, соединявших сопредельные ареалы. Подобные примеры фиксировались нами неоднократно на территории Западной Сибири (см.: Адаев, 2012: 118; 2014: 130).

Наконец известие о прямых контактах татар Среднего Прииртышья с юганскими хантами было записано на Б. Югане А. А. Дуниным-Горкавичем. Это предание о былом столкновении, в ходе которого князь-юганец Каюла Купландеев прогнал «бежавших от Ермака татар» в пределы Тарского округа (Дунин-Горкавич, 1911: 30). Упомянутый округ включал северные районы современной Омской области и, ориентируясь на исторически известные пути сообщения, связывавшие Среднее Прииртышье с Б. Юганом (Адаев, 2012: 115–117), можно с большой долей вероятности предполагать, что территория изгнания и изначального исхода побежденных татар находилась в границах современных Тевризского или Усть-Ишимского районов. Следовательно, речь скорее всего идёт о рассматриваемой нами курдакско-саргатской группе.

Остаётся открытым вопрос, где произошло данное столкновение хантов с татарами, т.к. наряду с бассейном Б. Югана нельзя исключать и район среднего-верхнего течения Демьянки. Во-первых, это была равноудалённая и одинаково знакомая территория для обеих групп населения. Во-вторых, она более подходила для бегства, т.к. до начала XX в. была относительно свободна и одновременно обладала весьма высокой промысловой значимостью (отсюда становятся понятны мотивы последовавшего столкновения). В-третьих, в конечном итоге верховья Демьянки остались в фактической собственности юганцев – они считали эти земли исключительно своими, имели там сезонные поселения и в XX в. несколько десятков их осело там на постоянное проживание, в том числе и отдельные представители рода Купландеевых (!).

Рассматриваемая группа татар исторически тоже обладала правами охоты в верховьях Демьянки. В 1740 г. Г. Ф. Миллер записал своеобразный кольцевой маршрут, которым пользовались «каурдацкие татары» для сезонного промысла: *«Осенью они обычно едут по воде вниз по Иртышу и вверх по Демьянке так далеко, как можно пройти на лодке, после чего они ждут зиму и по окончании зимнего сезона возвращаются на лыжах и с нартами по суше на свою родину на р. Иртыше»* (Сибирь, 1996: 272). Сообщение несёт нам два важных момента: 1) курдакско-саргатские татары напрямую общались с демьянскими хантами, ежегодно проезжая через низовья их реки, а значит их взаимосвязи могли иметь глубокий характер; 2) упомянутых татар и юганских хантов связывает долгая история контактов на общей промысловой территории. Кстати, в более поздних источниках круговой маршрут среднеиртышских татар на Демьянку уже нигде не упоминается, практиковались только менее масштабные в продвижении на север прямые переходы через болота. Возможно это и стало результатом былого столкновения с юганцами.

Омский исследователь С. С. Тихонов обратил внимание на обозначенные в конце XVII в. картографом С. У. Ремезовым охотничьи угодья курдакских татар на левом притоке Демьянке в её верхнем течении (на карте он отмечен как Аялы). Как раз по этому притоку обозначена и **межа, отделявшая земли жителей Демьянки и татар Прииртышья**. Там же проходил пеший путь, соединявший нынешнее Омское Прииртышье с территорией Туртаса и Демьянки. Тесная связь курдакских татар с северными угодьями отражена в присутствии юрт Каурдацки и Каурдакцы на левых притоках Демьянки или на Туртасе. Представляет интерес и отображенный картографом переход с левого притока Демьянки – реки Серцей – в нижнее течение р. Бича (иртышский приток в пределах проживания курдакско-саргатских татар) (Тихонов, 2013: 59–60; Ремезов, 2011: 71). Показательно, что именно там располагались исчезнувшие ныне ю. Тайлацкие, а примерно в 10 км на противоположном берегу – д. Саургачи.

Что касается Туртаса, то согласно источникам 1670–1740-х гг. (Миллер, 1999: 237; Спафарий, 1960: 25), эта река принадлежала татарам одноимённой волости Нижнего Иртыша, которые вместе с уватскими сородичами были самой северной группой сибирских татар. Однако они явно тяготели к низовьям своей реки и прилегающей части Иртыша, тогда как верхнее течение Туртаса было в сфере хозяйственных интересов географически более близких курдакско-саргатских татар – их промысловики регулярно посещали эту территорию осенью и зимой. Впрочем, Г. Ф. Миллер записал воспоминания уватских татар о том, что *«в незапамятные времена они жили [...] совместно с каурдацкими татарами»* (Сибирь, 1996: 275). То есть,

имеются основания полагать особую культурную близость этих групп и основанную на этом историческую легитимность прав на совместное пользование туртасскими угодьями.

Как было указано выше, васюганские ханты-переселенцы появились в верховьях Туртаса с XVIII в. Их неустойчивое положение как с т.з. официального закона, так и обычного права, диктовало форму осторожного и скрытного закрепления на новой территории. Контакты с курдакско-саргатскими татарами на Туртасе были неизбежны, и их относительно бесконфликтный характер мы можем предполагать лишь по косвенным признакам (например, по тому, что туртасские ханты освоили татарский язык (Патканов, 2003б: 115)). Вплоть до XIX в. васюганские переселенцы находились практически вне поля зрения властей и не оставили заметных следов ни в письменных источниках, ни в местной топонимии. Для сравнения, тюркские топонимы в верховьях Туртаса вполне обычны – Бугала, Кармусулла, Тарак-Бурень и др.

Обоюдное посещение территорий друг друга в XIX–XX вв. В целом, для сибирских татар северные ареалы представляли в основном промысловый интерес, тогда как для ханты-ского населения выход к поселениям Среднего Прииртышья был связан с торгово-обменными, трудовыми отношениями и поддержанием социальных связей. Главными объектами притяжения татарских промысловиков на севере были соболь, белка и кедровый орех. Как отмечал С. К. Патканов, в 1880-е гг. в Тобольском округе наибольшая часть соболя добывалась как раз по Туртасу и Демьянке (Патканов, 2003: 34). Сезонный промысел предполагал выходы в тайгу на срок от нескольких недель до нескольких месяцев в период с августа по март. Охотники объединялись для удобства в небольшие артели. Ханты (в данном случае, почти исключительно юганцы) посещали прииртышские селения по снегу – с ноября по апрель, обычно это были краткие визиты от нескольких дней до недели. Причём татарские деревни чаще оказывались лишь транзитными пунктами, а конечной целью были крупные сёла Тевриз и Усть-Ишим, где можно было с выгодой провести торгово-обменные дела, посетить церковь. В 1950–1970-х гг., когда юганцы состояли штатными охотниками Усть-Ишимской и Тевризской райзаготконтор, как минимум, одна их сезонная поездка в сёла Омской области была связана с трудовыми отношениями – сдача пушнины, решение оргвопросов и пр. Выезды ханты совершали коллективно – одной или несколькими семьями, транспортным средством были олени упряжки. Далее представим более подробную информацию, разделив её территориально на три группы в порядке движения с запада на восток в границах современного административного деления.

Вагайский и Усть-Ишимский районы – Туртас. Исторически сложившееся промысловое освоение курдакско-саргатскими татарами среднего и верхнего Туртаса отразилось в административных границах Вагайского и Усть-Ишимского районов – на соответствующих участках они длинными языками вытянуты в северном направлении, достигая непосредственно русла р. Туртас.

Очевидно, что охота и добыча ореха на Туртасе с течением времени играла всё меньшую экономическую роль для татар указанных территорий, существенно сокращалось и количество участников сезонного промысла. Показательно сообщение С. К. Патканова 1880-х гг., что охотой на Туртасе занимались только остяки и русские, жившие близ устья. Татары Среднего Прииртышья из Карагайской и Усть-Вагайской волостей, по его сведениям, вели на южных туртасских притоках лишь заготовку кедрового ореха. Более того, с 1888 г. туртасские угодья были переданы в казенное ведомство и за пользование ими с татар взималась оплата (Патканов, 2003а: 9, 50, 82). В связи с этим можно предполагать, что немногие татарские охотники всё-таки продолжали тогда вести промысел на Туртасе неофициально.

Ряд источников подтверждает, что охота курдакско-саргатских татар на Туртасе в ограниченных масштабах сохранялась и на протяжении XX в. Землеустроитель И. В. Иллинич сообщал в 1901 г., что зверопромышленники Ишайрских юрт, ходившие пешими маршрутами на Туртас, именовались *мергенями* (тат. *мәргән* – ‘меткий стрелок’). Интересно замечание исследователя, что инородцы Карагайской волости, к которой относились упомянутые юрты,

обладали избытком земли и потому охотились на Туртасе «в незначительных размерах» (Иллинич, 1901: 26, 54). По нашим полевым материалам, в середине XX в. на Туртас ходили группы промышленников поселений нынешнего Вагайского (Б. Карагай, Ишаир) и Усть-Ишимского районов (Б. и М. Тебендя, Кайнаул, М. Бича, Нагорное, Тайлаки). Упомянутые фамилии охотников: Айтмухаметовы, Сияттины (Б. Тебендя); Валитовы (М. Бича); Начитовы (Нагорное). Отметим, что Б. Тебендя и ближайшие к ней татарские юрты представляли собой «островок», с которого совершались пешие походы на обе северные реки, тогда как в селениях, расположенных западнее, охотники были ориентированы на освоение Туртаса, а в более восточных – Демьянки (ПМ Адаева).

Туртасские ханты, проживая в низовьях реки, со второй половины XIX в. оказались в сфере преобладающего культурного влияния русских Нижнего Прииртышья. В их селения они выходили для торгово-обменных отношений, с ними они постоянно контактировали непосредственно на Туртасе, т.к. низовья реки посещало большое количество русских промысловиков. Как сообщал землеустроитель С. П. Каффка в 1890-е гг.: «остяки почти совсем обрусели» (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 394. Л. 43). Контакты же туртасских хантов с курдакско-саргатскими татарами свелись к всё более редким зимним встречам ограниченного числа мужчин-промысловиков на Туртасе.

Усть-Ишимский район – среднее течение Демьянки. По остальным территориям мы располагаем только источниками XX в., однако их достаточно, чтобы раскрыть тему взаимных посещений татар и хантов.

Связь со Средним Прииртышьем осуществлялась в среднем течении Демьянки через её левые притоки, Калемьягу и Имгыт. Интересный материал был обнаружен в архивных документах. В первой половине 1930-х гг. в п. Калемьяга осуществлялось строительство охотничьей фактории, район которой тогда посещали как юганские (Купландеевы, Сапоркины, Усановы, Ярсинь), так и демьянские ханты (Сипайловы). В качестве строителей были наняты жители Омского Прииртышья, знакомые, судя по всему, с данной таёжной местностью. В их числе были представители татарского населения – Айтмухаметовы и Ахмадулин (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 788. Оп. 1. Д. 4. Л. 133–134об.). Указанные фамилии встречаются в селениях Усть-Ишимского района Кайсы и Эбаргуль, жители которых в первой половине XX в. действительно активно участвовали в охотничьих походах на демьянские притоки Имгыт и Калемьяга. Причём эти контакты были двусторонние: по рассказам жителей Прииртышья, ханты-оленоводы с Демьянки периодически посещали эти татарские поселения и соседнюю русскую деревню Вятка. Обычно это делалось попутно во время поездок в Усть-Ишим, практика которых сохранялась до конца 1970-х гг. Промышляли на Имгыте белку в первой половине XX в. и жители некоторых татарских юрт по левому (дальнему) берегу Иртыша – Б. Тебендя (Абиковы, Абусагитовы) и Ильчебага (Гимаевы, Давлетовы, Маматуллины). Проживавшие близ Имгыта юганцы Лянтины и Тайлаковы лишь изредка наносили ответные визиты в эти татарские деревни, обычно ограничиваясь выездом в с. Усть-Ишим (ПМ Адаева). Демьянские ханты, кочевавшие в 1920–1940-е гг. летом близ Калемьяги, к зиме уходили в низовья, поэтому период их возможных контактов с курдакско-саргатскими татарами ограничивался поздней осенью. С 1950-х гг. они выехали на постоянное жительство в низовья Демьянки.

Тевризский район – верховья Демьянки. Связь этой части Среднего Прииртышья осуществлялась с верховьями Демьянки через её приток, Урну. В архивных материалах отмечено участие местных татар в 1940–1950-е гг. в работе Тевризского райзаготконторы, чьи угодья включали верхнее течение Демьянки. Так, Х. А. Айтукон был принят охоторганизатором для сбора пушнины. В обосновании его приёма на работу значилось: «Чтобы выполнить план пушнины постоянно требуется оббежать по охотникам и даже [sic] урман от Тисинской базы, Урна, Демьян к остякам» (Приказы. Т. 2. Л. 44). Осуществить такой протяжённый обход охотничьих поселений по труднопроходимой местности безусловно мог лишь человек, хорошо знакомый с территорией. Среди простых охотников

райзаготконторы были фамилии Абайдулин, Аллагулов, Алачанов, Вахитов, Сайфутдинов и Шарипов (Приказы. Т. 3. Л. 73об.).

В ходе полевых исследований было установлено, что вероятными местами проживания татарских промысловиков были крупные левобережные посёлки Байбы, Ташетканы и Утузы. Там представлены данные фамилии и были записаны истории об опытных охотниках, ходивших к Демьянке. Сохранилось воспоминание об охотнике Р. Г. Аплесанове из п. Байбы, который добирался «до иштяков» на лыжах. Проведя однажды среди них около месяца, промысловик вернулся обратно на лодке по открывшимся весной рекам (ПМ Галеевой). Ещё одним поселением опытных промысловиков были Тайчи. Вероятно, это самый восточный населённый пункт, с которого в середине XX в. отдельные охотники (Алачановы, дед Тимергали) уходили в пределы демьянского бассейна, т.к. восточнее русло Иртыша резко удалялось от притоков Демьянки.

Юганцы, проживавшие в районе Урны (Усановы, Тайлаковы, Лянтины и Немчиновы), не посещали упомянутые татарские селения. Они выезжали лишь в районный центр Тевриз, где сдавали и продавали пушнину, меховые вещи, решали дела в райзаготконторе, закупали необходимую им продукцию. Ханты прибывали прямо в Тевриз на своих оленьих упряжках и эти визиты, происходившие до 1980-х гг., хорошо сохранились в памяти всех окрестных жителей. Интересно, что среди татарского населения наиболее тесные взаимоотношения у хантов завязались отнюдь не с посещавшими их места промысловиками, а с жителями правобережья, проживавшими близ зимней тропы, выходившей к истокам Урны. Например, в упомянутой д. Летнее проживал К. Аширбаев, который в 1940–50-х гг. принимал у себя в гостях, выезжавших к Тевризу юганцев. Ханты останавливались у него отдохнуть с дороги, ели, мылись в бане, он даже помогал им бриться. Хозяин говорил по-хантыйски и пользовался высоким доверием гостей, так как выступал посредником в их торговых операциях с пушниной. Встречи юганцев в Тевризе со знакомыми ими татарскими промысловиками тоже иногда происходили, но они носили скорее случайный характер (ПМ Галеевой).

Подведение итогов. Как видим, практика взаимного посещения друг друга курдакско-саргатскими татарами и хантами Демьянки и Туртаса сохранялась на протяжении нескольких веков. Существовали устоявшиеся маршруты, связывавшие их территории (исчез лишь обходной водный вариант XVIII в.). Был определённый круг татарских поселений по обоим берегам Иртыша, жители которых из поколения в поколение участвовали в дальних охотничьих походах. Скорее всего, в XVIII в. визиты в Среднее Прииртышье периодически совершали ханты, жившие в среднем течении Демьянки, и васюганские переселенцы с Туртаса. Пешие пути на Иртыш были им несомненно хорошо знакомы. В XIX–XX вв. в Среднее Прииртышье регулярно выезжали уже только юганские оленеводы, причём попутно они навещали в основном правобережных татар.

В течение XX в. у татар по всей территории Среднего Прииртышья наблюдался постепенный отход от дальнего северного промысла и общее сокращение таёжных охотников. Возможно в первой половине XX в. этот спад был обусловлен серьёзной конкуренцией со стороны русских старожилов, которым разрешили промысел на бывших «инородческих вотчинах». Уже в 1940-х гг. ходивших на север татарских охотников было в несколько раз меньше, чем русских. Во второй половине XX в. охота на дальних угодьях стала терять актуальность в связи с широким расселением соболя в Среднем Прииртышье. Прекращению сложившихся контактов послужила административная реформа 1970-х гг., по которой промыслять на Демьянке и Туртасе могли только работники охотпредприятий Уватского района. В 1980-е гг. охотой за болотами из курдакско-саргатских татар занимались уже единицы, а к 1990-м гг. она полностью сошла на нет. Ханты тоже вскоре перестали выходить к Усть-Ишиму и Тевризу, это было связано не только с тем, что они были приписаны по месту работы к с. Уват, но и с исчезновением у них в 1970–1980-х гг. оленеводства.

Без сомнения, преемственность маршрутов, связывавших на протяжении нескольких веков хантыйские и татарские территории, предопределялась как особенностями географических

условий, так и нормами обычного права. По нашей гипотезе, право охоты в верховьях Демьянки могло перейти курдакско-саргатским татарам в наследство от ассимилированных ими среднеиртышских хантов, которые скорее всего были связаны тесными брачно-родственными связями с демьянскими хантами. Отсюда происходит и дублирование названий поселений в двух речных бассейнах, и давний обходной промысловый маршрут татар с заездом на Демьянку через устье, где проживала основная часть демьянских хантов. В этом отношении между реками Демьянкой и Туртасом на раннем этапе просматривается очевидное сходство: обе они хозяйственно осваивались с запада и юга двумя территориальными группами одного народа, в первом случае хантыйского, во втором – сибирско-татарского. Последующий конфликт и вытеснение курдакско-саргатских татар на окраины демьянского бассейна юганцами также вписываются в эту концепцию: демьянские ханты находились в мирных отношениях с татарами, тогда как юганские, по историческим преданиям, воевали с теми и другими (Адаев, 2007: 194).

Список литературы:

- Адаев В. Н. Ушедший хозяин Демьяна (почитание хантами духа-хозяина р. Демьянка в XX в.) // Земля Тюменская. – Вып. 20. – Тюмень, 2007. – С. 186–205.
- Адаев В. Н. Болотные маршруты: пути и способы сообщения народов Нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3. – С. 110–119.
- Адаев В. Н. Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1. – С. 124–132.
- Валеев Ф. Т., Томилев Н. А. Сибирские татары // Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006. – С. 26–124.
- Галеева Н. Ф. «Рожи кукол» в представлениях тевризских татар Омской области // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. Материалы конференции. – Новосибирск, 2012. – С. 280–281.
- Галеева Н. Ф. Остязки в исторической памяти татар севера Омской области // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Барнаул; Омск: Наука, 2015. – С. 176–179.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. – Тобольск: Губернская типография, 1911. – 191 с.
- Иллинич И. В. Отчёт о работах по исследованию бассейна р. Б. Туртаски и её притоков. – Тобольск: Типография епархиального братства, 1901. – 56 с.
- Корусенко М. А., Корусенко С. Н. Угорские элементы в культуре тарских татар // Обские угры. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. – С. 102–104.
- Корусенко С. Н., Кулешова Н. В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск: Наука, 1999. – 312 с.
- Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. – М.: ИЭА, 1998. – 236 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. – М.: Восточная лит-ра РАН, 1999. – 630 с.
- Патканов С. К. Сочинения в 5 т. Т. 2: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. – Тюмень: Мандр и К°, 2003. – 320 с.
- Патканов С. К. Сочинения в 5 т. Т. 4: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. – Тюмень: Мандр и К°, 2003а. – 336 с.
- Патканов С. К. Сочинения в 5 т. Т. 5: Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. – Тюмень: Мандр и К°, 2003б. – 416 с.
- Прокофьева Е. Д. Ханты и манси // Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 570–607.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / История Сибири. Первоисточники. Вып. VI. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с.
- Соколова З. П. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX–XX вв. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск: ИТУ, 1981. – С. 50–60.
- Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. (Проблемы фратрии и рода). – М.: Наука, 1983. – 324 с.
- Спафарий Н. М. Сибирь и Китай. – Кишинев, 1960. – 515 с.
- Тихонов С. С. Карты С. У. Ремезова и «межи» аборигенов на реке Демьянке // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1. – С. 58–61.
- Томилев Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: ИТУ, 1981. – 276 с.
- Шунков В. И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. – 1930. – № 3–4. – С. 189–191.

Список источников:

- ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 394; Ф. И-788. Оп. 1. Д. 4.
ПМ В. Н. Адаева, 2010–2012 гг.
ПМ Н. Ф. Галеевой, 2011–2016 гг.
Приказы директора Райзаготконторы Тевризского района, 1947–1955. Т. 2–3.¹
Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири С. У. Ремезова. Т. 1. Факсим. издание. – Тобольск: [б.и.], 2011. – 350 с.

Список сокращений:

- Б. – большой.
ГУТО ГА в Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».
М. – малый.
ПМ – полевые материалы.
ю. – юрты.

Адаев В. Н., кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии.

Институт проблем освоения Севера, ТюмНЦ СО РАН.

Ул. Малыгина, 86, Тюмень, Россия, 625048.

E-mail: whitebird4@yandex.ru

Галеева Н. Ф., старший научный сотрудник.

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского.

Ул. Чубынина, 38, Салехард, ЯНАО, Россия, 629008.

E-mail: 13nelia31@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30 января 2018 г.

V. N. Adaev, N. F. Galeeva

**THE OCCURRENCE OF "NON-EXISTENT" TURKO-UGRIC CONTACTS: COMMUNICATIONS
BETWEEN THE TATARS OF THE MIDDLE IRTYSH REGION AND THE KHANTY OF THE TURTAS
AND DEMYANKA RIVERS IN THE 18TH – 20TH CENTURIES**

The article presents an overall picture of the direct contact between the Kurdak-Sargat Tatars and their northern neighbors – the Khanty of the Turtas and Demyanka rivers in a historical retrospective. The Tatar and the Khanty groups have conducted mutual visits for several centuries. The northern areas have been mainly of hunting and gathering interests to the Siberian Tatars, and the Khanty trips to the villages of the Middle Irtysh river aimed at trade and exchange, labor relations and the maintenance of social ties. The issue of these Turko-Ugric relations has not been discussed in ethnography prior to this. The authors have revealed the stages, supporting factors, connecting routes, places, forms and the circle of direct participants of the interaction. The research results have led to the hypothesis of the successive nature of the Tatar hunting rights in the Demyanka river area, inherited from the group of Middle Irtysh Khanty assimilated by them earlier. It is also assumed that between the second half of the 18th and early 19th century, the Khanty of the Yugan river, who came from the north, forced the Kurdak-Sargat Tatars into the periphery of the Demyanka hunting grounds after an open conflict. Traces of the previous history, among other things, are reflected in the local toponymy and folklore of both ethnic groups.

Keywords: *Kurdak-Sargat Tatars, indigenous peoples of the North, communication routes, watershed territories, interethnic interactions.*

---

¹ Хранятся у бывшего работника отдела кадров Райзаготконторы Тевризского района Омской области.

References:

- Адаев В. Н. Ushedshii khoziain Dem'iana (pochitanie khantami dukha-khoziaina r. Dem'ianka v XX v.) [The departed host of Demyan-river (Khanty's worship of the host spirit of the Demyanka river in 20th century)] // *Zemlia Tiimenskaia*. – Vol. 20. – Tyumen, 2007. – P. 186–205. (in Russian)
- Адаев В. Н. Bolotnye marshruty: puti i sposoby soobshcheniia narodov Nizhnego Priirtysh'ia cherez vodorazdel'nye territorii v XVIII–XX vv. [Bog routes: ways and means of communication of the peoples of the Lower Irtysh region through watershed area in 18th – 20th centuries] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. – 2012. – № 3. – P. 110–119. (in Russian)
- Адаев В. Н. Sel'kupy Verkhnego Taza: mezhkul'turnye svyazi i puti soobshcheniia s naseleniem sosednikh rechnykh basseinov v XVIII–XX vv. [Selkups of the Upper Taz region: intercultural ties and communications with the population of neighboring river basins in the 18th – 20th centuries] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. – 2014. – № 1. – P. 124–132. (in Russian)
- Valeev F. T., Tomilov N. A. Sibirskie tatory [The Siberian Tatars] // *Tiurskie narody Sibiri*. – M.: Nauka, 2006. – P. 26–124. (in Russian)
- Galeeva N. F. "Roshchi kukol" v predstavleniia tevrizskikh tatar Omskoi oblasti ["Groves of dolls" in the views of the Tevriz Tatars of Omsk region] // *Arkheologiya, etnologiya i antropologiya Evrazii. Issledovaniia i gipotezy. Materialy konferentsii*. – Novosibirsk, 2012. – P. 280–281. (in Russian)
- Galeeva N. F. Ostiaki v istoricheskoi pamiati tatar severa Omskoi oblasti [Ostyaks in the historical memory of the Tatars of the North of the Omsk region] // *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia*. – Barnaul; Omsk: Nauka, 2015. – P. 176–179. (in Russian)
- Dunin-Gorkavich A. A. Tobol'skii Sever [Tobolsk North]. Vol. 3. Etnograficheskii ocherk mestnykh inorodtsev [Ethnographic sketch of the local indigenous dwellers]. – Tobolsk: Gubernskaia tipografiia, 1911. – 191 p. (in Russian)
- Illinich I. V. Otchet o rabotakh po issledovaniu basseina r. B. Turtaski i ee pritokov [Report on the work of the study of the Bolshaya Turtaska river and its tributaries]. – Tobolsk: Tipografiia eparkhial'nogo bratstva, 1901. – 56 p. (in Russian)
- Korusenko M. A., Korusenko S. N. Ugorskie elementy v kul'ture tarskikh tatar // *Obskie ugray* [Ugic elements in the culture of the Tara Tatars]. – Tobolsk; Omsk: OmGPU, 1999. – P. 102–104. (in Russian)
- Korusenko S. N., Kuleshova N. V. Genealogiia i etnicheskaia istoriia barabinskikh i kurdaksko-sargatskikh tatar [Genealogy and ethnic history of the Baraba and Kurdak-Sargat Tatars]. – Novosibirsk: Nauka, 1999. – 312 p. (in Russian)
- Martynova E. P. Ocherki istorii i kul'tury khantov [Essays on the history and culture of the Khanty]. M.: IEA RAN, 1998. 236 p. (in Russian)
- Miller G. F. Istoriia Sibiri [History of Siberia]. Vol. 1. – M.: Vostochnaia literatura RAN, 1999. – 630 p. (in Russian)
- Patkanov S. K. Sochineniia v 5 t. Vol. 2: Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'ian i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoi gubernii [The economic life of the state peasants and indigenous dwellers of the Tobolsk district of the Tobolsk Governorate]. – Tyumen: Mandr i Ka, 2003. – 320 p. (in Russian)
- Patkanov S. K. Sochineniia: V 5 t. – Vol. 4: Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'ian i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoi gubernii [The economic life of the state peasants and indigenous dwellers of the Tobolsk district of the Tobolsk Governorate]. – Tyumen: Mandr i Ka, 2003a. – 336 p. (in Russian)
- Patkanov S. K. Sochineniia: V 5 t. – Vol. 5: Tip ostiatskogo bogatyrja po ostiatskim bylinam i geroicheskim skazaniiam. Irtyshskie ostiaki i ikh narodnaia poeziia [The type of Ostyak hero in Ostyak epic tales and heroic legends. The Irtysh Ostyaks and their folk poetry]. – Tyumen: Mandr i Ka, 2003b. – 416 p. (in Russian)
- Prokofeva E. D. Khanty i mansi [Khanty and Mansi] // *Narody Sibiri* / Edit. M. G. Levin, L. P. Potapov. – M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. – P. 570–607. (in Russian)
- Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniakh G. F. Millera [Siberia of the 18th century in the travelogues by G. F. Miller] / Istoriia Sibiri. Pervoistochniki. – Vol. VI. – Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996. – 310 p. (in Russian)
- Sokolova Z. P. Razvitie etnicheskikh svyazei obskikh ugrov vo vtoroi polovine XIX–XX vv. [The development of ethnic relations of the Ob-Ugic peoples in the second half of the 19th and 20th centuries] // *Sovremennye etnicheskie protsessy u narodov Zapadnoi i Iuzhnoi Sibiri*. – Tomsk: ITU, 1981. – P. 50–60. (in Russian)
- Sokolova Z. P. Sotsial'naia organizatsiia khantov i mansi v XVIII–XIX vv. (Problemy fratrii i roda) [Social organization of the Khanty and Mansi in the 18th and 19th centuries. (Problems of phratry and clan)]. – M.: Nauka, 1983. – 324 p. (in Russian)
- Spafarii N. M. Sibir' i Kitai [Siberia and China]. – Kishinev, 1960. – 515 p. (in Russian)
- Tikhonov S. S. Karty S. U. Remezova i "mezhi" aborigenov na reke Dem'ianke [Maps by S. U. Remezov and the "boundary" of aboriginal people on the Demyanka river] // *Vestnik Omskogo universiteta*. – 2013. – № 1. – P. 58–61. (in Russian)

Tomilov N. A. Tiurkoiazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – pervoi chetverti XIX vv. [The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th and the first quarter of the 19th centuries.] – Tomsk: ITU, 1981. – 276 p. (in Russian)

Shunkov V. I. Iasachnye liudi v Zapadnoi Sibiri XVII v. [Yasak population of Western Siberia in 17th century] // Sovetskaia Aziia. – 1930. – № 3–4. – P. 189–191. (in Russian)

Sources:

Public Institution of the Tyumen Region the State Archive in Tobolsk (GUTO GA v Tobolske). F. И-3, op. 1, d. 394; F. И-788, op. 1 d. 4.

PM V. N. Adaeva [Field materials of V.N. Adaev], 2010–2012.

PM N. F. Galeevoi [Field materials of N.F. Galeeva], 2011–2016.

Prikazy direktora Raizagotkontory Tevrizskogo raiona [Orders of the Raizagotkontora's director of Tevrizsky district], 1947–1955. – Vol. 2–3.

Remezov S. U. Khorograficheskaia chertezhnaia kniga Sibiri S. U. Remezova. – Vol. 1. Faksimil'noe izdanie. – Tobolsk: 2011. – 350 p. (in Russian)

Adaev V. N., Candidate of Historical Sciences, Head of the Ethnology Department.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Institute of the problems of Northern development.

Str. Malygin, 86, Tyumen, Russia, 625048.

E-mail: whitebird4@yandex.ru

Galeeva N. F., Senior Researcher.

The Yamalo-Nenets regional museum and exhibition complex named after I. S. Shemanovsky.

Str. Chubynin, 38, Salekhard, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Russia, 629008.

E-mail: 13nelia31@mail.ru